

Николай Тертышный. «Родня». Повесть в 6 частях с эпилогом. Изд-во «Уссури», Владивосток, 2001.

С первых строк меня охватило чувство восторга от языка повести! Всё перестало быть значимым, когда погрузилась в чтение. Наконец-то! Настоящий, русский, красивый, образный, точный и сочный, богатейший своей образностью язык!

Поражает наличие множества вариантов грамматических и лексических средств выражения. Так, например, автор использует вводные конструкции и большое количество местоимений для характеристики малокультурных и малообразованных персонажей («курево, хочу я тебе сказать, первое дело для мужика», «это наша, так сказать, теперь уже семейная сага»).

Характерной особенностью стиля писателя являются синтаксические фигуры, основанные на инверсии (нарушение порядка слов в предложении): «Грудой изумруда жмётся к дочатым заборам малина»; «И только здесь, под самую кручей подвосточного берега, не побывало тепло его щедрого лучика»; «Испокон веку налётным острожным манером уймищу такую осваивали, в одиночку не селились».

Уместно использование диалектизмов для характеристики героев и придания колорита. Так, например, в главе «В путь» встречаем выразительные диалоги, разукрашенные говором: «омужать», «жисть», «тощевать», «туды», «зазря», «чаво», «гуторят».

В других главах также уместно употребление разговорно-просторечной лексики: «зачокал», «трепаться», «бабоньки», «щас», «прощевай», «гулянка», «девки».

Наличие различных стилистических средств поражает! Наслаждение словом! Какие эпитеты: «кучерявая скала»,

«зябкий ветер», «мягкое усталое солнце», «духмяные ландыши», «тошнотный зев водоворота», «вороной ус».

Часто автор пользуется метонимией: «грудь отравил на уголке» вместо «заболел», «бродит народ, как тесто дрожжевое» вместо «волнуется».

Тут же синеждоха: «очаг» вместо «дом», «ухватить время» вместо «успеть». А тут — эллипсис: «Ты? — Я. Моя? — Да! Прости! — Уже!». И за этими местоимениями и короткими словами столько скрыто! Столько сказано! Такие страсти!

Скажу честно, пословицы, встречающиеся в повести, выписала в записную книжку. Таких ещё не встречала. «Дома сидеть — ни урона, ни прибыли»; «Запретно — слаще, прикрыто — краще»; «Не всяк, кто чёрен да лохмат, бесом зовётся»; «Что любо — тайком, где срамно — хлыстом, а душу — крестиком».

Оправдано употребление суффиксов объективной оценки, что говорит о владении автором нормами словоизменения и словообразования: «злобливая», «гостинчик», «худющий».

Широко используется приём олицетворения: «верба плачет», «тропинка насытилась солнцем», «шумит трава на лугу, словно шёпот ласковый в поднебесье льётся», «тогда словно пришла вечная зима, и остановилось время, и, кажется, колесо его вдруг застыло мертвенно, не в силах провернуться, скрипучее и промёрзлое».

Тертышный — мастер описания мгновения. Целая страница, будто повесть, посвящена описанию последних мгновений жизни волка-одиночки. Как будто это и не зверь вовсе, а человек уходит из жизни. Способность автора сопережить, почувствовать из нутра и изнутри просто поразительна. Будто и вправду в прошлой жизни автор был этим самым волком и на генетическом уровне помнит свои последние мысли и чувства...

Каждое слово, предложение, страница наполнены авторским чувством и владением высоким смыслом родного слова.

Испытываешь благоговение перед ценностью русского языка. Николай Николаевич — волшебник русского слова! Лишний раз убеждаешься и утверждаешься в мысли о том, что настоящие русские писатели и живут и творят в глубинке.

А теперь о жанре, фабуле и сюжете.

Автор определил жанр своего произведения как «фрагментарный». Смотрим словарь. Фрагментарный: 1 — являющийся фрагментом, сохранившимся лишь в обломках; 2 — отрывочный, неполный. Фрагмент — отрывок текста, романа и т.д.

Действительно, полного повествования о жизни героев в той или иной части произведения нет. Есть «описание, писательство без попытки обобщения и общего вывода». Поэтому не «повесть», а «писательство».

Возможно, автор сознательно не стал делать вывод и отвечать, что делать простому народу, который, по его же мнению, всегда был и есть раб. Пусть, дескать, читатель каждый сам соображает.

В каждой из шести частей описывается какое-то значимое событие, ставшее поворотным, решающим в жизни героев-родственников и оставшееся в памяти автора «обломками» их судеб.

При чтении повести меня не покидало чувство, что читаю действительно отрывки текста, заготовки для другого писательского труда, что читаю не «повесть» — литературное повествовательное произведение с сюжетом менее сложным, чем в романе, а читаю действительно сценарные «заготовки», блестяще написанные для большого кино, нескольких повестей, которые когда-нибудь воплотятся в роман.

Фабула интересная. Но это не фабула повести как классического жанра. Как такового сюжета повести нет. Сюжет каждой части или главы (сюжет — совокупность действий, событий, в которых раскрывается основное содержание художественного произведения) также тяготеет к фрагментарности. О дальнейшей судьбе героев можно только догадываться. «Фрагменты» привязаны к судьбоносным историческим, эпохальным процессам, проходившим в нашей стране на протяжении более ста лет. Участником этих событий и стал многочисленный род Ерохиных с психологией крестьянина, человека от земли и сохи. Если кто-то пытался уйти в пролетарии, военные, интеллигенцию, они всё равно остаются психологически крестьянами. И образ автора всегда просматривается через

идею, эстетическое значение и композицию произведения. Об эстетическом значении произведения, пусть не в полном объёме, я попыталась сказать выше. По мере погружения в произведение пришло ощущение, что автор пишет не «о других через себя», а о себе через других. Автор — внутри каждого героя!

Николай Тertyшный сам написал «куча мыслей в мозгу» и попытался выступить как публицист, культуролог, этнограф. Но рассуждает не на основе законов развития мироздания и общества, а на основе своего житейского опыта и миропонимания. И, кажется, ответил на вечный вопрос «кто виноват?», но не взялся отвечать на вопрос «что делать?». Почему? И сам отвечает на одной из страниц: «...так вот и побаиваюсь всю жизнь».

Знаем, что писать, учить других чему-то может лишь тот, кто сам нравственно целостен, кто уцелел в перипетиях общественного слома. Автор «Родни» уцелел. Иначе бы не взялся за перо. И писал не только потому, что уже не мог всё пережитое в себе держать. Были к тому ещё причины глубинные, не столь явно проявившиеся в общественном движении на момент написания повести.

Повесть написана в конце девяностых прошлого века. Время распада советских устоев. Социальная база интеллигенции поиссякла. Идеи новых русских «демократов» народ не принял, но, в общем-то, на экономический слом формации согласился. И люди становились другими. Утрачивалось чувство коллективизма, взаимопомощи, сотрудничества, ориентированности на общее дело. В таких условиях у писателя, вероятно, возникает потребность напоминать людям о том, что в принципе все мы на земле — родня. Но оказывается, что честное слово его зародившемуся государству не нужно. Думы и мысли о родине не нужны. Покаяние и самокритика — бессмысленны. Вот и не дал автор в начале тысячелетия ответа на вопрос «что делать?». Или не знал, или чего-то боялся, о чём уже упоминалось.

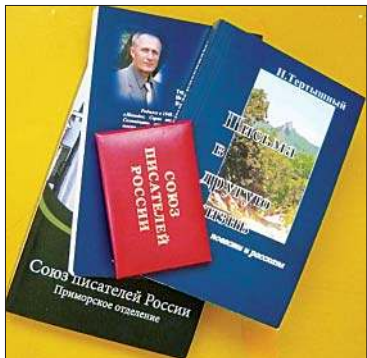
Можно много поспорить и порассуждать по поводу некоторых умозаключений, привести научные доказательства, где и в чём неправ автор, но понимаешь, что это его понимание, его чувства и переживания, заслуживающие уважения. Это его творческий взгляд, его особенное слово, его нравственные ценности и заветы.

А заветы у Николая Тертышного — служить разумному, доброму, вечному. Потому и не сник, не поддался иудину веку. Своим чистым сердечным словом автор «Родни» сопротивляется духовному оскудению человека, стойко держит бандитский изошрённый удар по великому русскому языку, духовно объединяющему многие и многие народы нашей Родины. За что ему низкий поклон.

*Татьяна ВОЛОШИНА (Шивыдкина),
Владивосток*

Владивосток — Находка, 2011

(Об авторе: Татьяна Дмитриевна Шивыдкина родилась в 1950 году на Курилах. Образование высшее педагогическое — филиал Дальневосточного федерального университета (бывш. УГПИ, ДВГУ). Филолог. Работала в Холмске корреспондентом, редактором газеты «Коммунист» («Холмская панорама»). Публиковалась в альманахах «Литературный Владивосток», «Элегия-40», в газете «Владивосток». Публицист, критик. Живёт во Владивостоке. Автор книги для детей «Рассказы о собаке по имени Град» и сборника лирики «Любовь не терпит одиночества». Член комитета общества «Женщины города Находки»).

Сборник прозы. 2015 год

**Выступление на вечере,
посвящённом адмиралу
Г. И. Невельскому. 2013 год**

**Собрание в Доме офицеров.
Владивосток**

**По арсеньевским дорогам.
2014 год**